

Марина
СЕРОВА

Селфи киллера

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова
Селфи киллера

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Селфи киллера / М. С. Серова — «Эксмо»,
2018 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-04-094738-6

На этот раз востребованный частный телохранитель Евгения Охотникова сама нашла себе работу. В самолете она защитила безобидную девушку Валию от приставаний наглого подвыпившего хама. Затем он пристал к несчастной Вале на выходе из аэропорта, и Женя опять помогла бедолаге. Еще через час на жениха Вали было совершено покушение, и вновь Женя случайно оказалась рядом! Теперь ей предстоит разобраться, что является первопричиной вражды в отношении Вали и ее жениха: может быть, безответная любовь высокопоставленного начальника? Или в самой Вале что-то не так?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094738-6

© Серова М. С., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Серова

Селфи киллера

Глава 1

– Нет, ты не отворачивайся, ты отвечай! Отворачивается она. Я тут что? Я тут кто тебе? Я тут тебе пустое место, что ли? Я, значит, к ней по-хорошему, подхожу, разговариваю. А она выпендривается. Ты чего выпендриваешься-то? Ты не выпендривайся! Я тут тебе не кто-нибудь.

На борту комфортабельного «Эйрбаса», возвращавшего меня домой из столицы, тишина и порядок сохранялись только первые полчаса пути. Этого времени большинству пассажиров вполне хватило, чтобы освоиться, а некоторым – даже для того, чтобы поднять себе настроение.

К числу таких счастливицев принадлежал и грузный мужчина, стоявший сейчас возле кресла, где сидела хрупкая молодая женщина. То ли «подзарядившийся» еще до взлета, то ли умудрившийся достичь «нужной кондиции» после употребления внутрь разрешенных ста грамм, мужчина, покачиваясь, возвышался над смущенной пассажиркой. Совершенно игнорируя ее очевидное нежелание общаться, он настойчиво требовал внимания к своей персоне.

Осыпая укорами и через каждые два слова задавая пытливые вопросы, на которые не получал ответов, он все ближе наклонялся к ней, по-видимому, пытаясь, если уж не словом, то делом доказать свое право на взаимность.

Девушка, несколько не польщенная этим пристальным вниманием, все дальше отклонялась в сторону, почти ложась на свою соседку, тоненькая стюардесса суежилась вокруг, призывая к порядку риторическим: «Мужчина, как вам не стыдно», а представители сильного пола, которых в салоне было предостаточно, предпочитали активному участию пассивное наблюдение.

Вскоре авиалайнер начал снижаться. Стюардесса убежала за занавеску, чтобы в микрофон оповестить присутствующих о скорой посадке и напомнить о необходимости пристегнуть ремни.

Сказав все, что предписывалось регламентом, она снова вернулась в салон. Настойчивый мужчина так и не отходил от кресла приглянувшейся ему особы. Наоборот, он все больше наваливался корпусом, пытаясь сказать что-то на ушко.

– Мужчина, мы идем на посадку, займите, пожалуйста, свое место, – пищала стюардесса, тщетно пытаясь попасть в поле зрения невоспитанного пассажира.

– Уйди, не мешай, – коротко бросил он в ее сторону, отмахнувшись, как от надоедливой мухи, и снова обратившись к предмету своих желаний. – Нет, ты понимаешь, что я сказать хочу?

– Мужчина, займите свое место. При заходе на посадку ходить по салону не разрешается. Я сейчас командира позову.

– Да зови ты кого хочешь. «Командира!» Прямо напугала. Я сам – командир!

Тоненькая, как тростинка, раза в четыре меньше обнаглевшего воздушного дебошира, стюардесса побежала за подмогой.

Вскоре из кабины вместе с ней вышел молодой парень, по-видимому, второй пилот. Пройдя в середину салона, где развивались главные события, они стали уговаривать уже в два голоса.

– Мужчина, займите, пожалуйста, свое место, – как заводная кукла, слово в слово повторил парень ключевую фразу стюардессы. – При заходе на посадку не разрешается ходить по салону.

– Да отстань ты! Пристал. Слышь, девушка, так мы с тобой договорились?

Настойчивый кавалер, все больше налегая на не знающую куда деваться женщину, не обращал никакого внимания на уговоры, и парень решил перейти от слов к действиям.

Обхватив сзади, он попытался оторвать массивную тушу от девушки и сориентировать в направлении пустовавшего кресла в хвосте салона, с нетерпением дожидавшегося своего хозяина.

– Пожалуйста, пройдите на свое место, – с натугой говорил парень, пытаясь от усилий.

– Эй ты! Ты чего это? – недовольно и высокомерно проговорил, оборачиваясь к нему, мужчина, прерванный на самом интересном месте. – Ты куда это ручки-то тянешь? Ты смотри, полегче, а то я ведь и врезать могу.

Но парень «ручки» не убирал. Вежливо, но настойчиво он пытался препроводить чересчур активного пассажира туда, где ему следовало сейчас находиться. Видя такое упорство, грузный мужчина тоже не стал ограничиваться только словами. Развернувшись, он с силой толкнул парня, отчего тот отлетел ряда на четыре.

В этот момент лайнер заметно качнулся, видимо, угодив в воздушную яму, и мужчина тоже не удержался на ногах, рухнув в проход между кресел.

Пытаясь удержать равновесие, он схватился рукой за спинку одного из сидений, попутно подкорректировав прическу находившейся там пассажирки. Через минуту под возмущенные вопли растревоженной супруги в дело вступил пассажиркин муж. Перебравшись через кресло своей благоверной в проход, где, побряхтывая, поднимался с пола расходившийся хулиган, он с размаха хорошенько двинул ему в челюсть, возвратив в горизонтальное положение.

С чувством выполненного долга заботливый супруг вернулся на место, по-видимому, считая инцидент исчерпанным. Но не тут-то было. Заорав на весь салон: «Ах, ты та-ак!», дебошир поднялся с пола и, не обращая внимания на верещащую даму с испорченной прической, замахнулся через сиденье, чтобы ответить ее мужу.

Между тем самолет заметно начал снижаться, и парень, призванный стюардессой, стал действовать решительно.

Уже не церемонясь, он обхватил неумного шалуна поперек туловища и повлек его к пустующему сиденью.

Физическими параметрами пилот, несомненно, превосходил худенькую стюардессу, однако в сравнении со своим массивным противником заметно не добирал. Без особого труда вырвавшись из цепких объятий, подвыпивший «террорист» активно пошел в атаку.

Развернувшись, он всем корпусом налетел на пилота, отчего тот тоже начал хвататься за спинки кресел, чтобы не упасть. Не останавливаясь на достигнутом, грузный мужчина нанес хороший удар в челюсть, моментально повергший парня в нокаут.

Разобравшись с досадной помехой, дебошир вновь обратился к мужу непричесанной пассажирки.

Не предвидя конца увлекательному действу и уже наблюдая в иллюминаторе горы и долины приближающейся земли, я решила вступить в игру и сказать свое веское слово.

Оценивая действия расходившегося хама как профессионал, я видела, что он берет только наглостью и массой, не имея никакой специальной подготовки и не зная даже элемен-

тарных приемов классического рукопашного боя. Поэтому с тем, чтобы обезвредить его, у меня не возникло ни малейших проблем.

Мужик уже перегибался через сиденье с нервной дамой, чтобы продолжить разговор с ее мужем, когда я подошла сзади и, заломив руку, несколько скорректировала направление его движения.

– А-а-ай! Ой! – завопил он, почувствовав постороннее вмешательство. – Кто это?! Куда это?! Ты это чего? Чего хулиганишь?

– Это ты хулиганишь, – терпеливо и не раздражаясь внушала я, препровождая его на место. – Беспокоишь пассажиров, мешаешь экипажу делать свою работу. Отвлекаешь. А здесь, между прочим, люди. И все хотят жить. Тебе что сказано было? Тебе сказано было – сядь на место и пристегни ремень. Вот садись и пристегивай.

Доведя его до свободного кресла, я, все еще удерживая руку за спиной, развернула мальчика, намереваясь усадить. Но в этот момент, воспользовавшись небольшим послаблением, он со всей силы толкнул меня и, выпустив его руку, я отлетела назад метра на три.

– Ах ты, нахалка такая! – снова входя в раж, наступал пьяный толстяк. – Смотри-ка, совсем бабы страх потеряли! Руки распускают не хуже мужи...

Но договорить ему не удалось.

Поняв, что по-хорошему не получится, я решила прибегнуть к болевым и, может быть, даже запрещенным приемам. Впрочем, учитывая разницу в массе и объемах, думаю, на сей раз это было простительно.

Несколько коротких ударов быстро сосредоточили пациента на самом себе, в результате чего пилоты получили возможность спокойно выполнять свою работу, а пассажиры были избавлены от назойливых приставаний. Восстановленную тишину и покой лишь время от времени нарушали доносившиеся с последнего сиденья протяжные «охи» и «ахи».

Минут через двадцать мы благополучно сели. Судя по тому, как долго пассажирам не разрешали выйти из салона, я предположила, что экипаж сообщил наземным службам о беспорядках во время полета и с минуты на минуту сюда прибудет полиция.

Так и произошло. В салон поднялись люди в форме и, не тратя времени на длинные комментарии, надели беспокойному пассажиру наручники.

– Я буду жаловаться! Это беспредел! – возмущенно вопил тот. – Я вас самих... в кутузку вас... я вас...

Но эти страшные угрозы беспокоили полицейских так же мало, как недавние угрозы членов экипажа – самого дебошира. Когда его вывели из салона, покинуть самолет наконец-то смогли и все остальные.

Из окна автобуса, перемещавшего нас по летному полю, я видела, что у здания аэровокзала пристроилось некое средство передвижения, совсем не похожее на летательный аппарат, – не самой старой модели черный «мерс» явно ожидал кого-то.

Когда автобус остановился, первыми из него вышли полицейские, ведя под руки воздушного хулигана.

Одновременно с этим открылась задняя дверь «Мерседеса», и оттуда появился мужчина.

– Коля! – рванувшись к нему, вновь во всю глотку заорал неумный толстяк. – Ты посмотри... смотри, что делается! Ни за что, ни про что в кандалы заковали. Беспредельщики, блин... Совсем страх потеряли. Скажи им, Коля.

По-видимому, Коля, приехавший на летное поле в «Мерседесе», действительно имел что сказать. Последним, что я увидела, на мгновение обернувшись перед тем, как войти в здание вокзала, была живописная группа из четырех мужчин, о чем-то увлеченно беседовавших возле машины.

Уверенная, что все закончилось и про эту историю можно забыть, я прошла через аэровокзал и вышла с другой стороны на привокзальную площадь. Здесь останавливались марш-

рутки, курсирующие между городом и аэропортом, дежурили таксисты, а неподалеку на платной автостоянке терпеливо дожидался моего возвращения верный «фольк».

Почти одновременно со мной вышла и девушка, которую так самоотверженно спасала я от хулигана в самолете.

И тут выяснилось, что история совсем не закончена и что подвыпивший донжуан оказался более упорным, чем можно было предположить.

Едва лишь девушка успела сделать пару шагов, как прямо перед ней, преградив путь, лихо тормознул знакомый черный «мерс».

– Слышь ты, недотрога. Хочешь – прокачу с ветерком? А? – вываливаясь из задней двери, проговорил наш старый знакомый.

На нем уже не было наручников, и, судя по всему, чувствовал он себя превосходно.

– Что, удивилась? – ухмыляясь, говорил он оторопевшей девушке. – А ты небось думала, что меня так-таки сразу в тюрьму посадят? Прямо из самолета на нары, да? Хе! Да я, если хочешь знать... Я сам кого угодно... Нам менты не указ. Мы сами... Да, Коля? Подтверди!

Последние слова настойчивый ухажер, слегка пригнувшись, адресовал кому-то, сидящему в машине. После этого он развернулся и направился к девушке, а она инстинктивно перешла поближе ко мне.

– Хе! Нет, ты посмотри! Да чего ты к ней жмешься-то? Думаешь, если она мне, пьяному, подножку подставила, так теперь и управы на нее нет? Так это я в самолете пьяный был, а теперь другая история. А ты смотри у меня! – погрозил в мою сторону кулаком бравый вояка, очень напугав. – Смотри, не лезь на рожон! Будешь нарываться – получишь по полной. Даже не сомневайся!

Не уточняя, что именно я должна буду получить, мужик подошел к девушке и, подхватив ее под руку, повлек к машине.

– Пустите! Пустите меня! – неловко отбивалась та, беспомощно оглядываясь вокруг.

Но мужик явно не собирался менять свои намерения и продолжал тащить несчастную жертву своих симпатий к машине. Я подошла ближе, думая, что, за неимением других желающих, приводить его в чувство снова придется мне. Но в это время открылась вторая задняя дверца, и из «Мерседеса» показался еще один мой новый знакомый, тот самый всемогущий Коля, которому каким-то образом удалось освободить своего эмоционального друга от «кандалов», а заодно, кажется, и от претензий полиции.

– Да ладно тебе, Паша. Ладно, оставь, – улыбаясь, говорил он бесцеремонному наглецу. – Ты видишь – девушка не хочет с нами ехать. Оставь. Ее, может быть, жених ждет. Дома.

Косо усмехнувшись, он как-то странно выделил интонацией последнее слово. Потом приобнял друга за плечи и, оторвав, наконец, от готовой уже разрыдаться девушки, пошел вместе с ним к машине.

Дорогой они обменивались какими-то фразами, то и дело прерывая их взрывами хохота.

Освобожденная от домогательств, девушка направилась дальше, украдкой вытирая слезу.

Невольно оказавшись в роли опекуна, я посчитала правильным поддержать человека в такой ситуации и, подойдя к ней, сказала:

– Да плюнь ты! Было бы из-за чего расстраиваться. Если из-за каждого придурка рыдать, так это никаких слез не хватит. Плюнь и забудь!

Но вместо того чтобы ободриться, после этих слов девушка и впрямь заплакала навзрыд.

– Забудь, – прерывисто доносилось сквозь неутешные рыдания. – Вам хорошо говорить! Вы же не знаете! А у меня уже сил никаких нет.

Больше ничего членораздельного я не услышала и следующие десять минут занималась только тем, что одну за одной вытаскивала из упаковки салфетки, моментально промокавшие насквозь, стоило лишь приблизить их к залитому слезами лицу моей собеседницы.

Сосредоточившись на этом занятии, я лишь в последнюю минуту заметила, что к нам быстрым шагом приближается пожилой мужчина. Озабоченно и тревожно взглядывая на мою подопечную, он отрывисто кидал:

– Что? Что еще? А? Валя, что?

– Да ничего, – сквозь слезы отвечала девушка. – Там кто-то, не знаю, знакомый, что ли, его был. В самолете. Никакого покоя. Весь рейс мучил. Он его там, на поле встречал. Я только потом поняла. А так – даже и не думала. Что он, специально, что ли? И в Москву, что ли, они за мной летали?

Девушка снова разрыдалась, а пожилой мужчина, обняв за плечи и глядя по голове, принялся ее успокаивать.

Посчитав, что моя миссия закончена, я хотела уже отправиться восвояси, когда диалог возобновился, неожиданно коснувшись моей персоны.

– Только вот, единственно, – всхлипывая, снова заговорила Валя. – Единственно вот – девушка. Только она помогала. Простите, как вас зовут? Я даже не спросила. Даже неудобно.

– Евгения.

– Да. Вот – Евгения. Только она помогала. Знаете, какая молодец! Там бугай такой здоровенный, а она вмиг с ним разобралась. Как схватила, как руку заломила ему! Он на весь салон взвыл. Сволочь! Вы только Игорю не говорите, а то опять расстроится.

При упоминании этого имени лицо пожилого мужчины изменилось, и выражение его из тревожно-вопросительного перешло в безутешно-скорбное.

– Да, Игорь, – сосредоточившись на каких-то своих, по-видимому, невеселых мыслях, проговорил он. – Игорь в больнице, я как раз хотел тебе сказать.

– В больнице?! – сразу встрепенулась девушка. – Как в больнице? Что? Что еще?

– Ничего, не волнуйся ты так. Все хорошо, уже идет на поправку. Ожог сильный был. Самовозгорание. Тестирование проводили, агрегатные узлы испытывали. Что-то не заладилось у них там. А ему ж всегда больше всех надо, Игорю-то. Ринулся вперед, давай скорее тушить. В самое пекло. Не сиделось ему на месте.

Пожилой мужчина нахмурил брови, девушка пуще прежнего разрыдалась, а я стояла столбом, не зная, что мне в этой ситуации предпринять.

Инстинкт и некоторые брошенные вскользь полунамеки подсказывали, что передо мной – потенциальные клиенты. С другой стороны, для того, чтобы вот так вот напрямую предлагать свои услуги, одних полунамеков все-таки маловато, а расспрашивать посторонних, в сущности, людей об их внутрисемейных проблемах было как-то неловко.

– Это он! Это опять он, – сквозь слезы говорила Валя. – Не успокоится, пока со свету не сживет. Ах, Женя, вот если бы вы не борову этому, а вот ему самому, сволочи этой, прямо ему по морде бы надавали! Вот это было бы просто великолепно. И по справедливости.

– Кому – ему? – пытаюсь ухватиться хоть за какую-нибудь ниточку, спросила я.

Но пожилой мужчина, целиком занятый своим, кажется, даже не услышал, что я что-то сказала.

– Нужно в больницу ехать, – озабоченно говорил он. – Я сейчас такси возьму. Думаю, лучше такси, а то на этих автобусах полдня будем добираться.

Увидев в этом шанс, я поспешила им воспользоваться.

– У меня здесь машина. На стоянке, – бодро и громко произнесла я, чтобы уж на сей раз на меня точно обратили внимание. – Вам в какую больницу? Если нам по пути, я могла бы подвезти вас.

– Правда? – с радостной надеждой взглянула на меня Валя. – Это было бы очень хорошо. Мы были бы очень благодарны.

– Не знаю, – сомнительно качал головой ее пожилой собеседник. – У вас, наверное, тоже свои дела?

– Да, но если нам по пути, отчего же, я буду только рада помочь.

Я снова спросила, где находится больница, и разумеется, оказалось, что она по пути. Иначе просто и быть не могло.

В машине, улучив удобную минутку, я вклинилась в эмоциональный обмен мнениями, которым, практически не умолкая, потчевали меня мои пассажиры, и через несколько минут была уже в курсе последних событий.

Оказалось, что упомянутый Игорь – сын пожилого человека, встретившего нас в аэропорту, что сам он авиаинженер, а отец его, едущий сейчас с нами, – авиатехник. Таким образом, выходило, что сейчас я имею эксклюзивную возможность общаться с представителями военно-воздушных сил нашей родины.

Валя была невестой Игоря и никак не дочерью пожилого мужчины, что я предположила вначале, слегка удивившись, что она обращается на «вы» к своему отцу.

Старого техника звали Зорин Константин Иванович. Он был очень доволен, что сын поддерживал семейную традицию и, выучившись на инженера, стал работать вместе с ним в части. Думал, что складывается династия.

Карьера Игоря началась вполне удачно, но в последнее время ему то и дело приходилось сталкиваться с какими-то чрезвычайными обстоятельствами, как будто кто-то специально испытывал парня на прочность.

– Да даже и не «как будто», – с волнением рассказывал Зорин. – А вот именно – специально. Все здесь понятно, все белыми нитками шито. И кто все эти гадости ему подстраивает, и почему. Все всё знают. Вот только доказать никто не может. Ни я не могу, ни Игорь. А ему ведь отдуваться по полной приходится. Взять хотя бы этот последний случай. Такой ожог – это ведь не шутки. Пошло бы чуть-чуть повыше, он бы и без глаза остаться мог, инвалидом бы сделался.

– Ой, Константин Иванович, что вы такое говорите! – Валя в ужасе округлила глаза и обхватила руками щеки.

– Да ничего, не волнуйся ты так, – поспешил успокоить ее старый техник. – Это я ведь только для примера сказал. Насчет того, что не шутки это. Опасно. Даже для жизни, считай, угроза. А ему все как с гуся вода. Стоит себе в сторонке, усмехается, как будто и ни при чем здесь.

– А кому ему-то? – настойчиво спрашивала я, пока еще не очень понимая, в чем дело.

– Ну как же! Свиридову, кому же еще, – проговорил Зорин, как бы удивившись тому, что на свете существуют люди, не знающие эту фамилию. – Он всеми этими марионетками крутит.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что Николай Свиридов – заместитель командира части, что он имеет некие виды на Валентину, а в ее женихе видит своего соперника. Поэтому и мстит.

– Она медсестрой работает, Валюшка-то, – вновь рассказывал Зорин. – Там же, в части. Вот и заприметил он ее, Свиридов-то. Тоже бабник тот еще. Ни одной юбки не пропустит. Только Валентина, она у нас не такая, она девушка серьезная. Да? – с улыбкой взглянул он в лицо засмущавшейся «серьезной девушке».

– Уж серьезная или несерьезная, а с подлецом таким точно ничего общего иметь не хочу, – ответила та. – Да и другие не очень-то рады. Просто боятся. Он ведь начальник, любую пакость устроить может, даже увольнение организовать. Вот и соглашаются. Кто из-за того, чтобы работу не потерять, кто просто чтобы неприятностей ненужных не нажить себе. Думаете, так уж он всем им нравится? Ничего подобного! Просто боятся.

– Ну вот, видите, Женя? Другие боятся, а мы – храбрые, – невесело усмехнулся Зорин. – Так что для неприятностей у нас тут теперь раздолье. Полной ложкой хлебаем.

– А что же, нужно, как другие, что ли? – возмущенно начала Валя. – И мне тоже к нему в наложницы идти?

– Да ну что ты, я ведь не об этом. Кто же тебя принуждает идти в наложницы? Просто хотел сказать, что гад он, только и всего. Относится к людям, как к рабам, думает, что все ему обязаны. Как же, в самой Москве у него «мохнатая лапа». Царь и бог. Все ему подчиняются, слова поперек сказать не смеют, а наша, смотри-ка ты, возразила. Вот он и окрысился на нее, проходу не дает, при каждом удобном случае зло срыгает.

– Но ведь, если я правильно поняла, у Вали есть жених, – посчитала нужным уточнить я. – Этот Свиридов, он что, не знает об этом?

– В том-то и дело, что знает, – тяжело вздохнул Константин Иванович. – Пока не знал-то, оно как-то полегче было. А уж как узнал – просто с цепи сорвался.

– Мы с Игорем со школы знакомы, – вступила в разговор Валя. – В параллельных классах учились. Общались, дружили. У нас здесь «поселок»-то небольшой, военный городок – все всех знают. Потом на учебу разъехались, а когда вернулись, снова встретились, и...

– И в результате подали заявление в загс, – бодро закончил Константин Иванович.

– В общем да, как-то так, – смущенно улыбнулась Валя. – А Свиридов, когда узнал об этом, так просто озверел совсем. Игорю начал каверзы всякие подстраивать, аварии эти производственные, ситуации двусмысленные. И всегда получается так, что он виноват. Человек, можно сказать, только-только работать начал, а ему так и норовят или нарушение устава предъявить, или обвинение в халатности, или вообще некомпетентность. А у него высшее образование, между прочим. И он не просто так поступал, лишь бы куда, сознательно хотел по стопам отца пойти, вот, дело Константина Ивановича продолжить. А если тебе на каждом шагу подножки ставят, какое уж тут дело?!

– Вот-вот, – взволнованно перебил ее Зорин. – С тех пор, как он про эту свадьбу узнал, совсем житья нам не стало. Мало того что Валушку с Игорем донимает, еще и меня, старого, раз за разом дергать начал. То у него техника к полетам не надлежащим образом подготовлена, то ремонт срочный нужен, там, где его еще сто лет не потребуется. В общем, было бы желание, а причина всегда найдется.

– Да, если на вас ополчился такой большой начальник, неприятности и правда придется хлебать полной ложкой, – заметила я. – Ведь у него для этого все возможности есть. И власть, и полномочия.

– Да какой он начальник? – с презрением проговорил Зорин. – Разве что из Москвы прислан, а так... В работе своей ничего не понимает, в технике не разбирается, подчиненных не уважает. И не умеет ничего, да и учиться не хочет. Единственное, что ему нравится, это крутость свою показывать. Созовет дружков, и давай перед ними хвастаться, какой он большой начальник, да сколько у него полномочий. Мол, захочу – любой истребитель по моему приказу поднимут, чтобы за пивом сгонять. Царь и бог!

– А почему же его здесь держат, если он в работе своей некомпетентен, да еще и так ведет себя? – наивно поинтересовалась я.

– А вот потому и держат, что протекция хорошая. Его сюда, похоже, по чьему-то «личному приказу» всунули. Родственников хороших имеет. Вот и терпим это сокровище. Командир-то неплохой у нас, понимающий. Грех жаловаться. Но ведь он тоже человек подневольный, над ним тоже командиры есть. Назначили тебе зама – хочешь, не хочешь, а приходится с ним работать. С таким, каков есть. Особенно зарываться он этому Свиридову не дает, но со всех сторон опекать тоже не может. У каждого своя, как говорится, сфера. Так что в тех вопросах, где Николай Юрьевич наш по статусу своему полновластный господин, изгаляется он, как душа захочет.

– Николай Юрьевич – это Свиридова так зовут? – уточнила я.

– Да, его.

– Что, и правда заставляет на истребителях за пивом для себя летать? – усмехнулась я.

– До такого, конечно, не доходило, – улыбнулся в ответ Зорин. – Но то, что он в личных целях летную технику использует, об этом уж все знают. Вертолет у нас есть, Ми-8 старенький. Так он у него вроде такси. На природу, к дружбанам своим на «фазенды» – только так он на этом вертолете «катается». А это, между прочим, и горючее, и износ. Потворствуют вот таким вот «хозяевам», а потом удивляются, откуда недостачи берутся. Да и общее состояние тоже. Техника, она ухода требует, подготовки, профилактики. За вертолетом этим тоже следить надо, тем более такое начальство «высокое» на нем летает. Вот и дергают людей каждый раз. Вместо того чтобы боевыми самолетами заниматься или тренировочные полеты готовить, ребята должны с этим его «личным автотранспортом» возиться. И разумеется, никакой дополнительной заработной платы за это не полагается, не говоря уже о благодарности. В общем, я уж говорил – к людям никакого уважения, эксплуатирует, можно сказать, как рабов.

– Да, интересный кадр. Такой если разозлится, хорошего не жди. Думаю, не сладко вам приходится.

– Еще как несладко! – с чувством произнес Константин Иванович. – Вот хоть этот случай взять, с Игорьком. Самовозгорание, говорят, произошло, изоляция на проводах повреждена была. Только когда это у нас изоляция бывала повреждена? У нас что – кухня коммунальная? У нас, между прочим, военный объект. У нас каждая мелочь, каждая деталь так отработана, что комар носа не подточит.

– Так вы думаете, что этот случай, в результате которого пострадал Игорь, был подстроен?

– Да, думаю, – с нажимом проговорил Зорин. – Конечно, точно утверждать я не могу и доказательств, как всегда, нет. Он ведь тоже хитрый, этот Свиридов. Подлый, гад, правильно Валя сказала. Чужими руками все делает, сам будто и ни при чем. Не придерешься. Но у меня уж нюх на эти его делишки выработался. Нутром чую – его работа.

– Не успокоится, пока со свету не сживет, – сокрушенно резюмировала Валя.

– Вот-вот. Мало ему, что мужиков достает, нет, он еще и к Валюшке подсылает всяких, – чтоб приставали.

– Да, – подтвердила Валя. – И в этом вся его подлая натура проявляется. Сам же подговаривает их, чтобы ко мне придирались, сам же потом, как бы невзначай, на выручку является. Робин Гуд незванный. Это ведь наверняка снова он подстроил!

– Что «это»? – не понял Зорин.

– Да вот, случай этот сегодняшний, в самолете. С мужиком пьяным, от которого Женя меня спасла.

– Да брось, – недоверчиво проговорил Зорин. – Как они могли узнать, что ты будешь лететь именно этим рейсом? Ты же в Москве была. Неужели и там у него такая же широкая сеть осведомителей? Быть такого не может!

– Не знаю, – надула губки Валя. – Только этот мужик, который приставал ко мне в самолете, – это знакомый его был. Да вот, Женя может подтвердить. Вы ведь видели, Женя, там машина его стояла? Прямо на летном поле?

– Кого «его»? – в тон Зорину спросила я.

– Ну как же! Свиридова. Тот высокий, с прямыми волосами, который возле «Мерседеса» стоял, это ведь он и был. Свиридов. Еще глаза у него такие нехорошие. Холодные, жесткие. Даже смотреть неприятно.

Вспомнив мужчину, стоявшего возле черного «Мерседеса», я нашла, что он вполне подходит под описание Вали. Так вот оно что! Значит, это и был тот самый высокопоставленный негодяй, не дающий покоя целому семейству.

Что ж, тактика, которую описала Валентина, вполне подтверждалась. Ведь приставания пьяного хама действительно прервал его друг, приехавший на своей машине прямо на летное

поле. Вполне достоверное впечатление Робин Гуда, спасающего беззащитную девушку от разбойника.

Только вряд ли все это и впрямь было задумано заранее. Скорее всего, о том, что Валентина летит этим рейсом, друг Свиридова действительно узнал случайно и нашел возможность передать эту интересную информацию своему патрону.

– И машина эта – его, – продолжала между тем Валя. – «Мерседес» этот черный все знают. Представляете, Константин Иванович, он прямо на летное поле заехал, – изумленно говорила она, обращаясь к Зорину.

– А что тут такого, – откликнулся тот. – С его связями и не туда еще заехать можно. По летному полю на автомобилях раскатывает, на дачи к друзьям на вертолетах летает. Все как следует.

– Да, у него знакомые везде, – подтвердила Валя. – Любое дело организовать может. А уж пакость какую-нибудь, это вообще раз плюнуть.

– Что ж, при таких связях это не удивительно, – согласилась я. – Только в то, что они специально за вами летали в Москву, Валя, мне все-таки как-то плохо верится.

– Да нет, думаю, не специально, – вместо Валентины ответил Зорин. – Думаю, нечаянно рейс совпал, а это все они потом уж придумали. Этот увидел тебя, на посадке или еще где. Созвонился со Свиридовым, передал. Вот и договорились нервы тебе потрепать. А что? Нормально. Ты ведь в драку с ним не полезешь, с битюгом таким. А эту историю, Женя, ее все свиридовские дружки до единого знают. И, считай, все участвуют. Само собой, и не выдаст, конечно, ни один, тут уж рука руку моет. Так что сейчас, если разбираться начать, выяснится, что никто и не в курсе. Все случайно произошло.

– Минуточку, – проговорила я, озаренная внезапной догадкой. – А вы обратили внимание, Валя, как этот Свиридов выделил интонацией свое последнее слово? Помните, когда говорил этому своему другу, что вы не хотите ехать с ними и что, возможно, вас ждет жених. Вы заметили, как выделил он это слово: «дома»? Язвительно так, цинично. Явно очень хорошо зная, где сейчас Игорь.

– Вот-вот, – подхватил Зорин. – Сам же гадит исподтишка, сам же издевается. Дескать, ты его дома надеешься увидеть, а я уж сделал. Готов тебе сюрприз, радуйся!

Тем временем мы уже подъезжали к больничному корпусу.

– Еще по поводу ожога я хотела уточнить, – сказала я, обращаясь к Зорину. – Вы говорили, сын ваш получил ожог. Сильный?

– Да, Константин Иванович, я и позабыла, – встrepенулась Валя. – Даже и не спросила ничего с этими своими переживаниями. Как там Игорь?

– А что Игорь? Хорошо Игорь. Все с ним в порядке, выздоравливает. Ожог тоже заживает постепенно. Ничего, вроде бы не сильный. То есть ожог-то сильный, просто площадь не очень большая. Правая рука в основном. Сквозь одежду пламя проняло. Весь рукав выгорел, пока затушили. Сильный очень огонь был. Рука обгорела и на шею немного зашло. Лицо вроде ничего, не задело. Там ребята тоже не дремали. Помогли. Не один же он там был, на тестировании-то этом!

– Хорошо хоть лицо не задело, – сокрушенно сдвинув бровки, говорила Валя.

– То есть он у вас больной ходячий? – бодро улыбнулась я.

– Ходячий, как же, – слегка улыбнувшись в ответ, проговорил Зорин. – Мы тоже не лыком шиты. Нас голыми руками не взять.

Подъехав к ограде, окружавшей территорию больницы, я припарковалась на свободном месте в «кармане» и стала прощаться со своими новыми знакомыми.

– Может, запишете телефон? – осторожно поинтересовалась я, когда все мы вышли из машины. – Неизвестно, как повернутся события. Если этот Свиридов так решительно задался

целью отомстить, вам, возможно, понадобятся мои услуги. По роду своей деятельности я занимаюсь охраной, так что, может быть, имеет смысл записать координаты.

– Охраной? – удивленно осматривая меня с ног до головы, проговорил Зорин. – Надо же! Никогда бы не подумал. То есть вы в этих вот группах быстрого реагирования, что ли, работаете?

– Не совсем. Я работаю индивидуально, как личный телохранитель. У меня есть опыт такой деятельности и некоторый боевой опыт, поэтому, если возникает необходимость, я стараюсь не упускать случая помочь людям, используя полученные знания на практике.

– И даже боевой? – изумление моих собеседников возрастало с каждой минутой.

– Так вот почему вы так легко разделились с этим здоровяком, Женя, – говорила Валя, в свою очередь, оглядывая меня, как какую-то невиданную диковинку. – Тогда конечно! Тогда неудивительно. Хотя, вообще-то, еще как удивительно! Такая хрупкая девушка... Константин Иванович, а что, может быть, действительно возьмем телефон?

– Не знаю, – снова с сомнением качал головой Зорин. – Личный телохранитель... Это, наверное, дорого.

– Договоримся, – обнадеживающе улыбнулась я. – К тому же за подобными услугами обращаются, когда грозит реальная опасность жизни, а собственную жизнь люди обычно ценят все-таки несколько выше, чем деньги. Запишите телефон, это совершенно бесплатно, а если возникнет действительно серьезная угроза, номер может вам пригодиться.

Валя зафиксировала мои контакты, и на этом мы расстались.

Мои новые знакомые направились ко входу в больницу, а я, заведя движок, медленно разворачивалась, выезжая из «кармана» и просчитывая, как мне выстроить путь отсюда до дома, чтобы он оказался кратчайшим.

Сказав, что больница расположена по дороге к моему дому, я, разумеется, немного лукавила. Она находилась совсем в другой стороне и даже в другом районе города. Теперь, оценивая в уме возможные маршруты, я видела, что придется мне часть пути проделать по извилистым и далеко не всегда идеально асфальтированным дворовым территориям. Однако именно эти потайные тропы частенько оказывались единственным средством быстро попасть с одной городской автомагистрали на другую.

Сейчас, чтобы срезать путь, мне необходимо было объехать территорию больницы. Медленно продвигаясь вдоль изгороди, я рассеянно поглядывала на яркие, в свежей июньской зелени деревья больничного парка, меж которыми по зеленой травке прохаживались «ходячие» больные, нагуливая аппетит перед обедом.

В теплый летний день у меня было опущено стекло, и среди тихой идиллии я вдруг услышала резкий, болезненный вскрик. Не понимая, откуда он мог донестись, я еще немного сбросила газ и, приглядываясь уже внимательнее, продолжала двигаться вдоль больничной ограды.

В самой дальней части парка, где особенно густо росли сосенки и березки, образуя небольшой лесок, наблюдалось весьма активное колыхание ветвей, несколько странное в эту тихую, безветренную погоду.

Остановив машину, я заглушила движок. Теперь до моего слуха совершенно ясно доносились короткие натужные междометия и глухие звуки ударов. Было очевидно, что где-то здесь, в укромной тиши, происходит некое «выяснение отношений», о котором участники его не желали бы оповещать всю округу.

Неясные предчувствия и инстинкт властно побуждали к действию. Я вышла из машины и, перемахнув через ограду, вскоре оказалась на «месте происшествия». Укрывшись от посторонних глаз на небольшой прогалинке среди деревьев, трое плотных и мускулистых мужчин в обычной штатской одежде мутузили четвертого, облаченного в полосатую больничную пижаму.

– Эй, ребята! – негромко окликнула я. – Что же это вы, вдвоем на одного, а? Да еще болящего. Нехорошо!

Прервав свое увлекательное занятие, «ребята» как по команде повернули ко мне головы. В образовавшийся просвет между их телами я увидела того, кого они избивали.

Это был молодой парень, на вид гораздо менее упитанный, чем обрабатывавшие его здоровяки. На его шее виднелось розовато-коричневатое пятно, уходящее вниз, в бинты и за воротник пижамы, и яснее всяких слов говорящее о том, по какому поводу парень очутился в больничном садике.

«...рука и на шею немного зашло...», – вспомнила я слова Зорина, уже догадавшись, кто передо мной, и убедившись в безошибочности своих предчувствий и правильности предпринятых действий.

Между тем здоровяки уже оправились от неожиданности и пришли в себя.

– Слышь ты, девушка, – проговорил один из них, отделившись от теплой компании и направляясь ко мне. – Ты это, шла бы отсюда. А то мало ли что может случиться?! Поскользнешься, упадешь, как в том кино – одно мокрое место останется. На тебя и троих не понадобится, меня одного хватит.

Пригнув голову и расставив руки, он, похожий сейчас на быка, перед которым маячит красная тряпка, надвигался на меня, недвусмысленно давая понять, что готов подтвердить свои слова действием.

– Ах, как невежливо, – улыбаясь, говорила я. – Только в том кино не было мокрого места. Там человек вполне благополучно очнулся в гипсе с бриллиантами. Ты невнимательно смотрел.

Произнося эти фразы, я пристально осматривала противника, примериваясь, какую тактику лучше избрать.

В объеме и массе я уступала этому мужчине как минимум раза в два. Опыт подсказывал, что для того чтобы быстро и эффективно нейтрализовать его, здесь, так же, как и в самолете, лучше всего подойдут болевые приемы. Средство это – хотя и запрещенное, но весьма действенное, а в некоторых случаях даже незаменимое. Но чтобы применить его, мне нужен был только какой-то отвлекающий маневр, чтобы враг не успел отреагировать на атаку и защититься.

И тут мне неожиданно помог Игорь.

Один из державших его мужчин ослабил внимание и отпустил руку, которой зажимал парню рот, чтобы тот не кричал. Разумеется, пленник немедленно воспользовался случаем.

– Уходите отсюда! – крикнул он мне, по-видимому, желая добра, хотя у меня сейчас были другие планы.

Громила, так некстати расслабившийся, снова зажал ему рот и для верности еще ударил кулаком в область солнечного сплетения. Бедный парень застонал, как подстреленная лань.

Этот небольшой эпизод и явился тем самым отвлекающим маневром, который позволил мне применить свои специальные средства.

Мой противник тоже ослабил внимание, инстинктивно оглянувшись на происходящее у него за спиной, и, воспользовавшись моментом, я приступила к действию.

Получив серию последовательных ударов по коленной чашечке, в правое подреберье и в глаз, здоровенный битюг зарычал от боли и согнулся пополам. Произнося в мой адрес разные нехорошие слова, он опускался на землю, то прижимая руки к животу, то хватаясь за коленку, не в силах определить, где ему больнее, а я, управившись с этим, занялась остальными.

Ни на минуту не забывая, что ребята превосходят меня по физическим параметрам, я понимала, что главное сейчас – не дать им возможности наброситься на меня вдвоем.

Впрочем, они, похоже, и сами не видели в этом необходимости.

Ничуть не вразумленные тем, что сейчас произошло с их другом, они, кажется, даже не допускали мысли, что «хрупкая девушка» вроде меня сможет уложить на лопатки таких больших и сильных мужчин.

Тот, что зажимал рот Игорю, остался на месте, а его товарищ выдвинулся в мою сторону. Он шел, так же набычившись, как незадолго до этого его друг, и, несомненно, намеревался довершить начатое им дело.

На сей раз некому было отвлечь внимание противника, и моя задача оказалась несколько сложнее.

По-видимому, у парня имелась некоторая подготовка, поскольку в ответ на свой незащитный открытый замах, я получила довольно жесткий перехват. Волосатая медвежья лапа так сильно сжала мне запястье, что я чуть не вскрикнула от боли. Эта оплошность рассердила меня, одновременно заставив быть осторожнее, и следующий мой тактический прием уже не был столь прямолинейным.

Подняв вторую руку, как бы для удара, и заставив своего визави сосредоточиться на ней взгляд, я параллельно с размаха «наступила» ему на ногу, стараясь попасть по пальцам пяткой.

Поскольку, возвращаясь из столицы, я была обута в симпатичные туфельки, а не в «дежурные» кроссовки, то и пятки мои, соответственно, опирались на крепкий остренький каблук, а не на тупо-гуттаперчевую спортивную подошву.

Отведав каблучка, враг взвыл от боли и, ослабив стальную хватку, на мгновение потерял контроль.

Это мне и было нужно.

Сцепив теперь уже обе свободные руки замком, я хорошенько врезала ему по шее, благо, наклонившись к своей потревоженной ступне, он очень удобно подставил мне ее для удара. После этого я уже без разбора стала молотить кулаками, вымещая досаду и нехорошее предчувствие, что от волосатых пальцев на руке наверняка останутся синяки.

«Это мне посреди лета, в такую жару – с длинными рукавами ходить?! Ах ты сволочь!» – в гневе думала я, осыпая ударами громадную неповоротливую тушу, не успевавшую вовремя увернуться ни от одного из моих «подарков».

Тем временем придурок с подбитым глазом успел немного очухаться и, позабыв свои собственные горести, поспешил на выручку другу.

Пропустив момент, когда он вернулся на поле боя, я продолжала заниматься с его товарищем и заметила прибытие «пополнения», только получив по почкам. Удар был настолько жесткий, что, казалось, меня приложили железобетонной дубиной.

От боли потемнело в глазах, и теперь уже я сама утратила контроль над ситуацией, будучи не в силах не только драться, но вообще осуществлять какие бы то ни было действия.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы мне на помощь снова неожиданно не пришел Игорь.

Оставшись один на один с последним из трех нападавших, он не терял времени даром. К тому моменту, когда роковой удар лишил меня возможности адекватно реагировать на происходящее, Игорь успел обезвредить своего соперника.

Теперь мы остались двое на двое, и, увидев, что я нуждаюсь в помощи, храбрый воин не стал медлить с ней.

Всем корпусом ринувшись на расходившихся негодяев, он вступил в схватку, раздавая удары направо и налево, не обращая внимания на то, что давно уже сочилась из-под бинтов кровь и даже начал промокать рукав пижамы.

Немного отдышавшись, я подключилась к процессу, и вдвоем мы довершили правое дело, разметав по сторонам стонущих бандитов и с победой покинув поле битвы.

Но не успели мы сделать несколько шагов, как откуда-то с земли послышалось треньканье сотового.

– Подожди-ка, – ощупывая карманы, говорил Игорь. – Это, похоже, мой. Черт, да где же он? Что, я его выронил, что ли? Да, выронил, наверное. Когда валялся где-то тут... Да, вот тут.

С этими словами он нагнулся к одной из сосенок и извлек из травы неумоимо сигнализирующую трубу.

– Да? Алло? Валюша? Здравствуй, милая! Уже прилетела? Уже здесь?! Вот это да! А я тут гуляю. Нет, недалеко, в парке. В больничном саду. Погода такая хорошая, вот я и подумал – пройдуся, подышу воздухом. Да, конечно. Конечно, уже бегу! Сейчас буду, ждите меня у входа.

Нажав на сброс, он сокрушенно взглянул на свой правый рукав, весь мокрый от крови. Не нужно было обладать особенной проницательностью, чтобы догадаться, что человек находится в большом затруднении и недоумевает, как предстать в таком виде перед любимой девушкой.

– Черт, вот зараза! Как теперь идти? Слушай, а ты не сможешь...

После всего совместно пережитого Игорь обращался ко мне уже как к старому другу. Вероятно, он хотел попросить меня сходить в палату и раздобыть какую-то другую, не столь окровавленную одежду. Но, подняв глаза, кажется, впервые озадачился простым и естественным вопросом, который, в общем-то, должен был возникнуть в самом начале.

– А ты откуда взялась?

– Долго объяснять, – отмахнулась я. – Давай лучше придумаем что-нибудь с твоим костюмом, а то невеста увидит – и правда испугается.

– Невеста? А откуда ты знаешь про... Ты кто вообще?

Пытливый взгляд, сразу ставший настороженным и тревожным, яснее ясного показал, что меня заподозрили в сговоре с врагами, и я поспешила вернуть мысли своего собеседника в правильное русло.

– Да не волнуйся, я не от Свиридова, – добродушно-снисходительно произнесла я роковую фамилию, вызвав у Игоря неподдельное изумление. – Валя тебе объяснит. Потом. А я сейчас схожу, вон с теми дедками побеседую, может, уговорю кого-нибудь одолжить тебе тужурку.

Неподалеку от небольшого леска, где несколько минут назад разыгралось сражение, возле скамеечки на полянке собралась кучка пожилых граждан в больничных пижамах и халатах. Товарищи имели самый доброжелательный вид, и я надеялась, что, объяснив им ситуацию, смогу взять у кого-нибудь напрокат часть амуниции.

– Добрый день! – лучезарно улыбаясь, говорила я, подходя к группе. – Вы не могли бы помочь нам? Тут такое дело – к моему брату девушка приехала, невеста, а он нечаянно рану вскрыл, вон, видите, вся пижама в крови. А они уже здесь, в больнице. С отцом. Пришли навестить его, а он в таком виде. И главное, даже в палату сходить нельзя, чистое что-то взять – они там, на входе стоят, заметят. Увидят кровь – невеста что подумают, испугаются еще. Не сможет ли кто-нибудь одолжить курточку? Ненадолго. А мы потом вернем выстиранную, обещаю.

Улыбаясь на все лады и демонстрируя самое искреннее расположение, я, кажется, сумела расположить к себе собеседников. Когда к нам подходил Игорь, они уже понимающе улыбались, проникнувшись сочувствием.

– Ну что, Вася, поможем молодому человеку? – спрашивал один, совсем седенький, своего друга, у которого черную как смоль шевелюру картинно-артистически разрезали белые пряди. – Обидно, действительно. К нему невеста приехала, а он выйдет к ней такой некрасивый. На-ка, примерь, подойдет тебе моя?

Седенький дедок скинул верхнюю часть своей пижамы и, оставшись в майке и просторных полосатых штанах, протянул ее Игорю.

– У-у, – увидев окровавленные бинты, опоясывающие чуть ли не все тело парня, сокрушенно проговорил он, – Да у тебя тут и правда ранения просто боевые!

«Вот уж действительно, – вслед за дедком оглядывая Игоря, думала я. – И надо было лезть с такой рукой! Сама бы справилась».

Было очевидно, что, рассказывая Вале про ожог, Константин Иванович явно преуменьшил степень поражения, по-видимому, не желая расстраивать девушку. В действительности рана занимала почти всю правую часть туловища, и можно было только удивляться отваге Игоря, при таком обширном ожоге не побоявшегося вступить в драку.

Но в глубине души я, конечно же, одобряла такое поведение.

«Сразу видно – мужик. Не размазня какая-нибудь, – думала я, пока Игорь примерял куртку добродушного деда. – Однако, возможно, в этом и заключается проблема. Если он всегда с таким энтузиазмом рвется на передний край, это лишь дополнительный бонус господину Свиридову. Легче легкого подстроить ловушку человеку, который так и норовит сам в нее попасть. Ведь если верить Зорину, сынок его именно потому и получил такой сильный ожог, что в первых рядах помчался тушить внезапный пожар».

– Ты чего ж с такой раной в заварушку-то полез? – говорила я Игорю, когда мы возвращались к больничному корпусу, где уже давно ждали нас Константин Иванович и Валентина. – Видел же, что я справляюсь. Сидел себе там, под елкой, да и сидел бы.

– Да вот потому и полез, что увидел, что ты не справляешься, – слегка усмехнувшись, отвечал Игорь. – Девчонка – с тремя такими бугаями. Как ты еще двоих-то этих сумела обезвредить, не понимаю. А про третьего уж и говорить нечего.

– Это моя работа, – сердито буркнула я, недовольная, что кто-то позволяет себе сомневаться в моих способностях.

– Работа? – удивленно поднял брови Игорь. – А кем ты работаешь?

– Так, вольный художник.

– Игорь!! – прервав меня, раздался на всю округу надрывный вопль.

От больничного корпуса навстречу нам бежала Валя. Через минуту она заключила в объятия любимого, повиснув у него на шее и не видя, как сморщился он от боли, вызванной столь резким и импульсивным прикосновением к потревоженной ране.

Я и Зорин-старший деликатно отошли в сторонку, не мешая радостной встрече. Свободные от наплыва эмоций и пылких чувств, мы беседовали о вещах более приземленных.

Глава 2

– Мы же вроде бы попрощались, – удивленно говорил Зорин.

– Это да. Но вот, как видите – пришлось снова встретиться. Наверное, судьба.

Вкратце я рассказала ему обо всем происшедшем. Выразив восхищение героизмом Игоря, я посчитала не лишним посоветовать Зорину хотя бы изредка напоминать сыну о необходимости сдерживать свои порывы.

– Если он действительно так живо на все реагирует и чуть что – сразу рвется в бой, то его очень легко могут спровоцировать. Начнут приставать к Вале, например. Он, конечно же, бросится защищать, скорее всего, даже не подумав о том, сколько перед ним противников. А если их окажется слишком много, все может закончиться плачевно. Думаю, что и вас, если что-то случится, он бросится защищать с не меньшим рвением. Вам не кажется, что стоило бы найти кого-то, кто защищал бы его самого?

Разумеется, догадавшись, на что я намекаю, Зорин сдвинул брови и глубоко задумался. Я же, в свою очередь, тоже проявила сообразительность и, угадав причину этих колебаний, поспешила продолжить:

– Если вас беспокоит размер моего гонорара, могу сказать, что эта сумма всегда определяется индивидуально. Когда человек действительно нуждается в помощи и сталкивается с реальной угрозой жизни, финансовые вопросы отходят на второй план. Существуют средние расценки, если они покажутся вам слишком высокими, мы можем обсудить условия, приемлемые именно для вас. Подумайте, Константин Иванович, сын ваш уже сейчас – в больнице. Чего можно ожидать в дальнейшем? Раз уж этот ваш недруг верно решил, как сказала Валя, сжить вас со свету, он может подстроить любую каверзу и вам, и Игорю, да и ей самой. Мне кажется, дополнительные меры безопасности в подобном случае – вовсе не прихоть, а насущная необходимость.

Зорин внимательно слушал и, когда я закончила, попросил немного подождать, пока он посоветуется со своими близкими.

Подойдя к Вале и Игорю, все еще продолжавшим обниматься и обмениваться эмоциональными репликами, он начал с ними «серьезный разговор».

Чтобы мои новые знакомые могли на свободе обсудить все детали, я отошла еще немного в сторону и принялась разглядывать живописные зеленые кущи больничного парка.

Семейный совет вынес вердикт в мою пользу.

Игорь, которому объяснили наконец, кто я такая и откуда взялась, не стал возражать против дополнительной поддержки в эту трудную для семьи минуту. Валя, которая, кажется, уже в самолете прониклась ко мне полным доверием, только обрадовалась, что все так удачно складывается. Зорин-старший, которого, видимо, больше всего беспокоил размер моего вознаграждения, после обсуждения суммы совершенно успокоился, поняв, что услуга ему вполне по карману.

Поскольку в данном случае отношения базировались на взаимном доверии, я не стала тратить время на формальности и объявила, что готова приступить к исполнению своих обязанностей сию минуту, пускай и не подписан пока официальный договор.

– Да вы уже, в общем-то, и приступили, – многозначительно взглянув на правую руку Игоря, проговорил Зорин-старший.

– Будем считать, что это – аванс, – очаровательно улыбнулась я. – Кстати, ко мне можно обращаться на «ты», без церемоний.

– О! Женечка, это так приятно! – просияла Валя. – Мы будем как подруги. Всегда завидовала таким смелым людям, как вы. То есть – как ты. Сама я такая трусиха. К тому же...

Константин Иванович, как вы думаете, ведь чтобы исполнять свои обязанности, Женя всегда должна будет находиться где-то поблизости. Правильно я понимаю?

– Наверное, – вопросительно взглянув на меня, ответил Зорин.

– Вот! Вот я и говорю. Я думаю, будет правильно, если она пока поживет у нас. У нас с мамой. А? Как вы считаете? Тем более, Игорь сейчас в больнице. Я думаю, это будет удобно. А?

– Отчего же, я не возражаю. Как, Женя?

Выяснив, что молодые в преддверии скорой свадьбы живут вместе с мамой Вали в трехкомнатной квартире и что там несложно будет выделить помещение и для меня, я тоже выразила свое согласие.

Учитывая особенности данного случая, я предвидела, что мне придется опекать не только самого Игоря, но и прочих членов семьи, гонимой мстительным начальником. С этой точки зрения возможность проживания на одной территории с Валею, а впоследствии – с обоими будущими молодоженами, оказывалась как нельзя более кстати. К тому же военная часть, где служили отец и сын, и, соответственно, прилегающий к ней жилой комплекс располагались на значительном расстоянии от Тарасова, и ежедневно кататься туда-сюда мне было бы крайне неудобно.

Поэтому, поблагодарив за гостеприимство, я сказала, что с радостью принимаю предложение Вали, но сначала хотела бы все-таки попасть и к себе домой тоже.

– Моя тетушка, наверное, уже не находит себе места, – говорила я. – Я должна была появиться несколько часов назад.

Тут я вдруг вспомнила, что за всеми этими непредвиденными событиями до сих пор не нашла времени заменить сим-карту в телефоне. Там все еще была «заряжена» московская, и бедная тетя Мила даже при всем желании сейчас не смогла бы до меня дозвониться.

Взглянув на часы и поняв, что до инфаркта остались считанные минуты, я свела прощальную речь к минимуму.

– Константин Иванович, я убедительно прошу вас и Валентину до моего возвращения не отходить от Игоря, да и вообще, стараться не упускать друг друга из поля зрения. Пока вы вместе, вряд ли кто-то решится напасть в открытую, и мне, да и вам самим наверняка так будет гораздо спокойнее. Я постараюсь не задерживаться.

С этими словами я оставила живописную группу на лужайке в больничном парке и быстрым шагом направилась к машине. Поскольку, включившись в драку, я оставила свое транспортное средство у самой дальней части парка, а Зорин и Валя ждали Игоря у входных ворот, мне нужно было преодолеть немалое расстояние пешком, прежде чем снова оказаться «на колесах».

«Бедная тетушка! – сокрушалась я, на ходу судорожно втыкая в аппарат тарасовскую симку. – Как она, наверное, волнуется! А мне сегодня, как назло, совсем некогда выслушивать нравоучения».

Активировав трубку, я увидела высветившиеся на экране семь непринятых звонков и поняла, что мои тревожные предчувствия имеют все шансы сбыться.

Уже подходя к машине, я набрала номер тетушки и не успела сказать двух слов, как на меня посыпался град возмущенных восклицаний.

– Евгения!! Это переходит всякие границы!! Как ты можешь?! Я места себе не нахожу!

– Тетушка, прости, пожалуйста, я просто забыла заменить сим-карту.

– Где ты сейчас, сообщи для начала?

– Как где? В Тарасове. Самолет прилетел по расписанию, но возникли некоторые непредвиденные обстоятельства, и мне пришлось задержаться.

– В Тарасове! Скажите на милость! Тогда почему я не могу дозвониться до тебя?! Ты хоть понимаешь, что я волнуюсь? – кажется, совершенно не слушая меня, говорила о своем тетя Мила.

– Но я же вот как раз и пытаюсь объяснить – возникли обстоятельства, в силу которых я не смогла сразу ехать домой.

– Обстоятельства! Скажите на милость! Почему каждый раз, когда мне необходимо поговорить с тобой, у тебя какие-то обстоятельства? Почему я всегда на последнем месте? Ты хоть понимаешь, к каким последствиям может оно привести, это твое легкомыслие?

– Тетя Мила, ты у меня всегда на месте самом первом и самом главном, но иногда приходится чем-то жертвовать.

– Правда?! Поэтому ты отключила телефон?

– Да не отключала я!

– Ладно, Евгения, – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, проговорила тетя Мила. – Дома поговорим. Когда тебя ждать?

– Я уже лечу! – бодро отрапортовала я в трубку, с унылой безнадежностью думая о том, что в сложившейся обстановке упоминание о новых клиентах, с нетерпением ожидающих моего возвращения, только подольет масла в огонь.

Я завела движок и, следуя первоначальному плану, углубилась в лабиринты дворов. Попетляв по укромным закоулкам, я вскоре выехала на одну из центральных городских трасс, с которой легко можно было добраться до моего дома.

По дороге я собиралась с духом и готовила ответные фразы в свою защиту, предвидя, что встреча будет не слишком теплой. За этим занятием я не заметила, как оказалась у родного подъезда.

Поднявшись в лифте, я с бьющимся сердцем вставила ключ в замочную скважину.

Надутые губы и выражение попранной добродетели, встретившие меня в коридоре, сопровождалось красноречивым молчанием.

– Дорогая моя тетушка, я так соскучилась, – распахивая объятия и даря самый нежный родственный поцелуй, говорила я. – Не сердись. Ты ведь знаешь, что в других городах приходится покупать местную сим-карту. А когда мы прилетели, я уже совсем было собралась замечить на тарасовскую, но меня неожиданно отвлекли и, к сожалению...

– К сожалению! Вот тебе и «к сожалению»! – не собиралась сдаваться без боя тетя Мила. – Я волнуюсь, места себе не нахожу, а у тебя в ответ на все только дежурные фразы.

– Почему же? Совсем даже не дежурные. Мне действительно очень жаль, что так получилось. Как только я вспомнила о том, что в трубке еще московская симка, я сразу же поменяла и позвонила тебе.

– Вот именно! Вспомнила она. Через несколько часов вспомнила! Когда я уже не знала, что и думать. Где ты, что с тобой? Как можно быть такой легкомысленной, Евгения? Вот был бы у тебя муж...

«Начинается», – с досадой подумала я, но вслух сказала другое.

– Был бы у меня муж, он, наверное, догадался бы, что я немного устала с дороги. И проголодалась. И хотела бы принять душ.

– Ах, да что ж это я! У меня ж там сейчас пригорит все! – моментально переключилась тетушка и уже через секунду исчезла из поля зрения.

На кухне забренчали кастрюльки, и в прихожую понеслись соблазнительные запахи.

Унюхав шедевры тетиного производства, я сразу вспомнила, что не ела ничего с самого завтрака и действительно не на шутку проголодалась.

Мигом приняв душ и переодевшись, я устроилась за обеденным столом, где уже немного успокоившаяся и подобравшая тетя сервировала праздничный обед.

– Куриное филе с овощами. Особый рецепт, с шафраном, – комментировала она, выкладывая на тарелку волшебной пахнущую снедь. – Острый соус и шафран. Совсем капелька. Для аромата. Чувствуешь, какой запах? Это очень редкая приправа, очень дорогая. Настоящий шафран сейчас днем с огнем не найти.

- Но моя гениальная тетушка, конечно же, сумела и это, – улыбаясь, подлизывалась я.
- Для тебя старалась, – полуобожженно-полушутливо отвечала тетя. – Неблагодарная!

Отведав эксклюзивного блюда, и впрямь оказавшегося необычным и очень вкусным, я ушла в свою комнату, чтобы подготовиться к ожидавшей меня новой трудовой смене. Кроме того, нужно было придумать, что же такое сказать тете, чтобы приятная новость о появлении у меня очередных клиентов не вызвала слишком бурного эмоционального всплеска.

Поскольку ближайшие несколько дней мне придется провести вне дома, первым делом я упаковала в сумку некоторые предметы гардероба, подобрав их так, чтобы минимум вещей обеспечивал максимум возможностей.

К дежурным джинсам, кроме повседневной майки, я решила добавить еще жилет, при случае позволявший скрыть спрятанный сзади за поясом револьвер, и свободную блузку рубашечного покроя, которая носилась навывпуск и служила той же цели.

Кроме револьвера, в арсенал вооружений вошли обязательные ножи, укрепленные на щиколотках, и метательные звездочки за поясом, гармонично дополненные двумя «шпагами» – длинными и тонкими ножами, спрятанными в специальных потайных чехлах на спинке жилета.

Добавив ко всему перечисленному упаковку патронов, я посчитала подготовительные мероприятия окончанными.

Оставалось самое сложное и неоднозначное – разговор с тетей.

– Послушай, тетушка, – масляным голоском начала я, пройдя в кухню и нежно приобняв тетю Милу, домывающую тарелки. – Тут такое дело... Должна тебе сказать, что в этих столицах на все ужасная дороговизна. Просто кошмар! Хоть прямо не ездь! Ты даже не представляешь, как там уходят деньги. Просто между пальцев. Не успеешь оглянуться – уже пустые карманы.

– Ты это к чему? – подозрительно взглянула тетя. – Тебе денег, что ли, нужно? Много?

– Да нет, тетушка, ты не так поняла! С какой стати я буду брать у тебя деньги? Что я, инвалид, что ли, не смогу себе на жизнь заработать? Вот, кстати, тут знакомые как раз сегодня рассказывали. У одних очень хороших людей проблемы появились, нужно помочь. Может, я съезжу, поговорю с ними? А? Дело-то вроде пустяковое, а там, глядишь, и бюджет поправлю, возьму ущерб, нанесенные столицами. А? Как думаешь?

– Проблемы, – недовольно скривившись, отвечала тетя. – Похоже, в этом городе только у тебя нет проблем. Все норовишь чужие решать. Вместо того чтобы найти себе хорошего парня и, как все нормальные люди, создать полноценную семью, мыкаешься целыми днями неизвестно где, заставляешь меня волноваться.

– Так это как раз и есть именно такое место.

– Какое место?

– Ну такое, где парней много. Авиабазы здесь, под Тарасовом, знаешь, наверное? Там парней – немеряно просто. И все хорошие. Летчики. Асы. Представляешь, какой это шанс?

Пытливо заглядывая мне в глаза в тщетных попытках угадать, шучу я или говорю серьезно, тетушка долго колебалась, определяясь с ответом. Но желание исполнить, наконец-то, свою заветную мечту победило сомнения, и, глубоко вздохнув, она сказала:

– Ну ладно, съезди. Не успела домой зайти, снова ей не сидится. Съезди уж, непоседа.

– Тетушка, ты прелесть!

С размаху я вцепилась любимой тете поцелуй куда-то в область уха и, подхватив упакованную сумку с «амуницией», вылетела на улицу.

Сборы и уговоры заняли довольно много времени и, предполагая, что новые клиенты уже заждались, я торопилась.

Очень довольная, что на сей раз удалось заключить с тетей Милой мировое соглашение, я бодро повернула ключ в замке зажигания и на всех парах помчалась к больнице.

Там я застала тихую семейную идиллию, найдя своих подопечных на скамейке, там же, где оставила их, уезжая. Разница была лишь в том, что теперь больничный парк был практически пустым.

– Тебе, наверное, уже пора в палату, доктора будут ругаться, – заботливо говорила я Игорю.

– Да, наверное, – рассеянно отвечал он, не в силах оторвать нежного взгляда от своей возлюбленной. – Хотя они знают, что ко мне девушка приехала, я предупредил, что задержусь, – наконец вполне осмысленно и как бы проснувшись произнес он, обратившись ко мне. – А ты, оказывается, просто Ван Дамм какой-то. Тут о тебе такие восторженные отзывы!

– Видел бы ты, какого она бугая на обе лопатки уложила, и сам бы восторгался, – улыбаясь говорила Валя.

– Да я уж видел...

Эти слова Игорь произнес вполголоса, как бы про себя. При этом он многозначительно взглянул на меня, давая понять, что для его невесты история, произошедшая в больничном парке, так и осталась тайной.

– Что ж, пожалуй, нам уже пора разбежаться, – взглянув на часы, сказала я. – Путешественникам нужно отдохнуть с дороги, а тебе, Игорь, действительно пора возвращаться в палату. Думаю, самое время перевязку сменить, – не менее многозначительно глянула я. – Ты там, в палате, не один, я надеюсь?

– У-у, – усмехнувшись, протянул он. – Совсем не один. Народу, как на вокзале. Даже две дополнительные койки втиснули.

– Вот и отлично. Значит, неподкупных свидетелей более чем достаточно. Плюс дежурная медсестра. Что ж, думаю, до утра мы можем за тебя на волноваться. Утром я подъеду, но ты и сам тоже посматривай. В одиночку старайся не гулять, будь всегда у кого-нибудь на виду, по глухим закоулкам не шастай.

– Да ладно тебе! Что я, маленький, что ли?

– Маленький, не маленький, а раз уж я взялась за работу, я ее делаю. Это – мои тебе инструкции и постарайся, пожалуйста, их выполнять.

– Да, Игорь, слушайся Женю. Она плохого не посоветует, – посчитала нужным вставить свое веское слово Валя.

– Ладно уж, воспитательницы, – добродушно улыбаясь, проговорил Игорь. – Слушаюсь и повинуюсь.

Мы с Зориным-старшим направились к машине, деликатно давая влюбленным возможность попрощаться. Через несколько минут уже у самых ворот нас догнала счастливая и довольная Валя.

– Он говорит, что скоро его обещают выписать, – радостно щебетала она, устраиваясь на заднем сиденье. – Может быть, даже завтра. Правда, рана еще не совсем зажила, но сейчас уже никакого особого лечения ему не проводят, только бинты меняют да мажут составом каким-то. А на эти перевязки он может и из дома ходить. То есть ездить. Палаты и так переполнены, есть и более серьезные случаи, так что врач сказал, что выписка вполне реальна.

– И что же, ему и на работу разрешат выходить? – обеспокоенно поинтересовался Зорин-старший.

– Нет, что вы! На работу еще рано. Больничный дадут. Врачи говорят, что не меньше, чем на месяц. Ожоги, они вообще долго заживают.

Пока происходил этот обмен мнениями, я успела выехать из «кармана» и выдвинуться в направлении места работы и одновременно проживания моих новых клиентов – крупной авиабазы, расположенной в окрестностях Тарасова.

Чтобы добраться до нее, необходимо было переехать наш знаменитый мост и после этого преодолеть еще весьма значительное расстояние, поэтому, глядя на темнеющий небосвод, я то и дело давила на педаль газа.

В конце рабочего дня движение на дорогах было довольно интенсивным, но база находилась вдали от центральных магистралей. Выбравшись из пробок, мы вскоре уже подъезжали к территории летного городка, огороженной фундаментальным железобетонным забором.

Доступ в этот жилой комплекс не преграждали ни шлагбаумы, ни контрольно-пропускные пункты, но чтобы с дороги заехать внутрь, нужно было обогнуть по периметру практически всю ограду.

Въехав на территорию и руководствуясь направляющими указаниями своих пассажиров, я вскоре притормозила у древнего трехэтажного строения, весьма условно подходящего под определение «жилой дом».

– Капитальный ремонт здесь явно не помешал бы, – проговорила я, выходя из машины и осматривая строение.

– Да где уж! – безнадежно отозвался Зорин. – Штукатурку в подъездах обновить не могут, что уж про капитальный ремонт говорить! Средств у них, видите ли, не хватает. Стены в трещинах, как после бомбежки, все осыпается. Про канализацию страшно и вспоминать. Дрянь и вонь эта вся вниз, под дома уходит. Как в Венеции, на воде живем.

– Ладно уж вам, Константин Иванович, – примиряюще заговорила Валя. – Не так уж все плохо. Женя, идем, я тебя с мамой познакомлю, она, наверное, уже заждалась.

– Да, вы идите, и я пойду, – вместо меня ответил Зорин. – Мне недалеко здесь, два шага.

Но такой поворот не очень соответствовал моим планам, поэтому я поспешила скорректировать развитие событий.

– Константин Иванович! – окликнула я уже развернувшегося, чтобы уйти, Зорина. – Вы не возражаете, если я навещу вас чуть позже? Мне необходимо знать не только, где находятся Валя и Игорь. Ведь вы, насколько я понимаю, тоже – одна из «мишеней» этого Свиридова? Поэтому я должна иметь представление и о том, где вы живете, где бываете и насколько эти места надежны в плане личной безопасности.

– Хорошо, хорошо, – снисходительно улыбаясь в ответ на мои аргументы, как улыбается взрослый требованиям ребенка, говорил Зорин. – Это здесь недалеко, такая же, приблизительно, развалюха. Валя покажет вам. То есть тебе.

Обеспечив таким образом себе приглашение в гости, я направилась следом за Валею, которая уже входила в подъезд.

Помещение, столь активно рекламируемое мне, как «просторная трехкомнатная квартира», представляло собой, хотя и действительно не тесную, но весьма и весьма небогато оформленную жилплощадь. За отсутствием Игоря, здесь проживали сейчас только мать и дочь.

Мать Вали, довольно приятная на вид женщина, такая же хрупкая и невысокая, как и она сама, только с заметной проседью в темно-русых волосах, встретила нас в коридоре.

– Здравствуй, мамулечка, ужасно рада видеть тебя! – говорила Валя, заключая ее в объятия. – Вот, познакомься. Это – та самая девушка. Наша героиня, – продолжала она, представляя нас друг другу. – Евгения. Нина Петровна.

– Очень приятно, – улыбнувшись и бросив на меня быстрый внимательный взгляд, проговорила Нина Петровна. – Валечка звонила мне, рассказывала про ваши подвиги в самолете. Сказала, что вы – телохранитель, правильно?

– Как-то так, – скромничала я.

– Необычная профессия для девушки. Хотя сейчас многие осваивают мужские профессии. Даже по нашей части можно судить. Раньше женщин среди служащих практически совсем не было, а сейчас – на каждом шагу. Вот и во время войны тоже. И летчиками, и пулеметчицами женщины были. Да что тут говорить, если нужно, мы сумеем за себя постоять!

Закончив фразу и вместе с ней закончив пристальное изучение моей персоны, Нина Петровна пригласила нас на кухню, говоря, что с дороги не мешает подкрепиться.

Но, уже подкрепившись недавно одним из кулинарных шедевров своей тетушки, я отказалась от приглашения, предоставив дегустацию Вале.

Осведомившись, в какой из комнат могу расположиться, я разложила немудреный багаж и отправилась в гости к Зорину-старшему. Необходимо было выяснить, где и в каких условиях он обитает, чтобы получить уже полное и исчерпывающее представление о «дислокации» всех, столь разрозненных на этот раз, объектов, за которыми я должна была наблюдать.

Валя назвала мне номер дома, квартиры, а также в двух словах сориентировала, как пройти.

Дом Зорина действительно располагался недалеко. Выйдя от гостеприимных хозяев, я уже через несколько минут подходила к приблизительно такой же полуразрушенной трехэтажке с идущими сверху донизу сквозными трещинами и облупленной штукатуркой.

Зорины жили на третьем этаже, и, позвонив, я оказалась в квартире, столь же небогато убранной, как и предыдущая, но только уже двухкомнатной.

Гостеприимно распахнув дверь во всю ширь, Константин Иванович первым делом пригласил меня отужинать, и мне снова пришлось вежливо отказываться.

– Спасибо большое, вы очень любезны, – очаровательно улыбаясь, говорила я. – Но я уже перекусила, когда ездила домой. Давайте лучше поговорим. Думаю, нам есть что обсудить с вами.

– Правда? – удивленно поднял брови Зорин. – Но я вроде бы все уже рассказал.

– Да, о том, что послужило причиной возникновения всех этих недоразумений. Но чтобы эффективно осуществлять контроль, я должна знать наиболее вероятные, скажем так, направления атаки. Откуда может появиться враг, куда он исчезает. Вот, например, те трое в больнице. Они ведь не случайно там оказались. Им нужно было знать, что в это время Игорь находится именно в этом месте, а следовательно, проследить за ним. Нужно было перелезть через ограду, проконтролировать, чтобы вокруг не было посторонних. Словом, масса вещей, предварительных этапов, на любом из которых мы могли бы их перехватить, если бы заранее знали об их планах.

– А, вот вы о чем! То есть ты. Но как же мы сможем заранее узнать все это? О планах того же Свиридова, например? Ведь сам он наверняка не расскажет.

– Это покажет время. А мы с вами давайте начнем с простого. Вы знаете, где он живет?

– Само собой. В пятиэтажке. Там все наши высокие чины гнездятся. Считаю, единственный на всю летку нормальный дом. Недавно построили. Хотя какое недавно! Тоже лет десять уже ему.

– Это такая, с белым цоколем? – предположила я, припомнив, что по дороге сюда среди удручающе-ветхих строений действительно заметила вдали нечто, напоминающее «нормальный дом» – кирпичную пятиэтажку, свежоштукатуренную и свежепобеленную по периметру нулевого этажа.

– Да, как в белых тапочках, – усмехнулся Зорин.

– Хм, то есть получается, что все вы тут друг от друга недалеко?

– В том-то и дело, – сокрушенно соглашался Зорин. – За семь верст не ходить. Тут он тебе и Игорь, тут она тебе и Валя, только руку протяни. А уж кандидаты, чтобы придраться к ним, всегда найдутся. Честным трудом зарабатывать этим ребятам неведомо, а выпить надо. Для разных подлых штук такой контингент – самый подходящий. Вот Свиридов и использует его, резерв этот кадровый. У него здесь шушеры этой на побегушках – вагон и маленькая тележка. Он же у нас начальник, большой человек. К Валентине пристать или Игорю какую-нибудь подножку подставить – для этих ребят милое дело.

– И что, ничего нельзя доказать? Неужели никто из этого «контингента» не может сказать, кто именно дал ему поручение?

– Да кто ж про него расскажет? Он ведь их всех в бараний рог скрутить может. Да и не только их, и поважнее кого. Я ведь тебе говорил, какие у него тылы. Из самой Москвы поддержка. Иначе кто его, негодяя такого, так долго терпеть бы здесь стал? И дня бы не продержался.

Зорин нахмурился, видимо, погрузившись в неприятные воспоминания, но раздавшийся в это время звонок в дверь снова вернул его в реальность.

Не имея точной информации о семейном положении своего собеседника, я предположила, что это пришла супруга и что пора сворачивать дискуссию. С этой мыслью я отправилась в коридор следом за Зориным, который уже открывал дверь. Уверенная, что уже через пару секунд увижу его жену, я намеревалась познакомиться и тут же попрощаться, чтобы не вмешиваться в чужую семейную жизнь и не надоедать.

Но как ни странно, из коридора не доносилось ни женского голоса, ни приветственных слов, которые были бы вполне естественными при встрече жены и мужа. Оттуда вообще ничего не доносилось, и это странное безмолвие заставило меня насторожиться и прибавить шаг.

– У вас гости? – произнесла я, обращаясь к Зорину, застывшему на пороге ко мне спиной.

– Не знаю... – как-то странно ответил он.

Приблизившись, я из-за его плеча выглянула в коридор и обнаружила, что он пуст. Недоумевая, что же заставляет Зорина оставаться на месте, глядя в пустое пространство, я проследовала за направлением его взгляда. Он смотрел вниз.

Там, на полу прямо перед дверью лежала загадочного вида конструкция, изнутри которой доносилось негромкое гудение, чем-то напоминающее звук сотового, поставленного на режим «вибро».

– Что это? – удивленно спросила я.

– Сам бы не отказался узнать, – ответил Зорин.

– Вы видели, кто это принес?

– Нет. Когда я открыл дверь, в коридоре никого не было. Только эта дрянь на полу.

– Понятно, – я сориентировалась в обстановке моментально. – Пройдите, пожалуйста, в квартиру. Туда, туда, поглубже. В дальнюю комнату.

С этими словами я обхватила Зорина за плечи и, подтверждая свои слова действием, препроводила его подальше от загадочного предмета.

Когда я вернулась, звук, идущий изнутри, усилился, и я поняла, что времени на «разминирование» у меня нет. Единственное, что еще можно было предпринять в подобной ситуации, это отойти как можно дальше от бомбы, которая в любую секунду могла взорваться.

Это я и постаралась сделать. Закрыв входную дверь на два поворота замка, я следом за Зориным ринулась в спальню, расположенную дальше всего от входа, и, не хуже, чем во время военного артобстрела, во всю глотку заорала: «Ложись!»

Когда, некоторое время спустя, я рассказывала об этом случае Игорю, мы весело смеялись, но на тот момент ситуация казалась мне вполне серьезной. Ведь за те несколько секунд, которые были у меня для осмотра загадочного устройства, я даже при всем желании не смогла бы определить ни тип его, ни взрывную мощность.

Мощность оказалась не такой уж большой, и уже через несколько минут я узнала, что основной «поражающий фактор» этой конструкции заключался вовсе не в ее взрывной силе.

Услышав донесшийся из коридора хлопок, я почти сразу же вслед за этим различила какое-то непонятное шипение, а минуты через две все снова стихло.

«Что за чудеса?» – недоумевала я, выходя в коридор.

Входная дверь, целая и невредимая, стояла на своем месте, неопровержимо свидетельствуя, что взрывная волна, если она вообще тут имелась, была очень слабой и совсем не разрушительной.

Осторожно открыв дверь, я обнаружила возле порога обуглившуюся бесформенную массу. Двери соседних квартир оставались на месте, и на лестничной площадке в целом не наблюдалось никаких ущербов. Но, посмотрев на внешнюю сторону двери, ведущей в квартиру Зорина, я ужаснулась. Декоративные деревянные панели, которыми она была облицована, выгорели почти дотла. Огромное черное пятно, изуродовавшее красивую лакированную поверхность, яснее всяких слов свидетельствовало о том, на какой эффект рассчитывали наши враги.

«Видимо, предполагалось, что Зорин возьмет эту дрянь в руки, – вновь осматривая обгоревшие останки неизвестно чего, валявшиеся под ногами, размышляла я. – Возьмет либо для того, чтобы рассмотреть, либо для того, чтобы выбросить на помойку. Впрочем, судя по тому, как быстро сработал таймер, старый техник смог бы получить причитающееся, даже не прикасаясь к этому агрегату. Если уж бесчувственная деревяшка получила такие чувствительные «травмы», что говорить о нежной человеческой коже?! Даже стоя рядом, он бы обгорел не хуже, чем Игорь, а уж если бы этот «фейерверк» находился у него в руках...»

В этом случае дело стопроцентно закончилось бы инвалидностью, можно было даже не сомневаться. Поняв, что главный упор в данном случае делался не на взрыв, а на огонь, я подумала, что наглость и цинизм наших врагов переходят всякие рамки.

«Это ведь они дубль решили организовать, – в крайнем возмущении думала я. – Мол, сына твоего уму-разуму поучили, вот и ты подарочек получи. В открытую намекают, откуда в этом «самовозгорании» ноги растут, в лицо насмеваются. И даже страха ни капли нет, какое уж там про совесть поминать! Парень в больнице, еще оклематься не успел, а они...»

И тут меня вдруг посетила интересная мысль. А что, если этот демарш с «фейерверком» – это как раз и есть ответ на мои сегодняшние, вполне успешные действия в больнице? Точнее – наши с Игорем действия?

Версия казалась вполне правдоподобной. Если здоровяки, которые хотели избить Игоря, были присланы Свиридовым, они наверняка уже доложились «боссу». И о том, какой была его реакция на этот доклад, можно было даже не гадать. Посылая троих бугаев разделаться с одним парнем, к тому же еще и раненым, он наверняка не сомневался в успехе этого «предприятия». И вдруг посланцы являются к нему в синяках и, зализывая раны, рассказывают совсем другое.

Любой бы возмутился. А такой человек, как Свиридов, если я правильно поняла из описаний его внутреннюю сущность, – и подавно!

«Так это нам, значит, решили вендетту организовать, – усмехаясь, вновь думала я. – Мол, не хочешь быть послушным – на-ка, еще получи. Ладно. Посмотрим, чья возьмет! С профессиональным авиаинженером уважаемый гражданин начальник, похоже, справлялся без труда. Посмотрим, как получится у него справиться с профессиональным телохранителем».

– Константин Иванович, вы не сможете найти для меня пластиковый пакет? – обратилась я к Зорину, опасливо выходящему в коридор.

– Что? Пакет? – рассеянно спрашивал он. – А зачем?

– Да вот, хочу эти остатки забрать. Отдам знакомым, может быть, удастся провести экспертизу, установить, что это за чудо такое было.

– Бомба?

– Не похоже. Ударной волны практически не было. Только очень сильное пламя. Посмотрите, у вас вся дверь обгорела.

– Ого! Вот это да-а-а... – расстроено протянул Зорин, рассматривая почерневшие деревянные панели. – А какая красота была... Сами с Игорьком делали. Шкурили планки, морилкой про-
травили... Вот гад! Это ведь опять он, Свиридов!

– Похоже на то, – согласилась я. – Есть ощущение, что это – ответ на наши действия в больничном парке.

– Точно! – будто озаренный догадкой, воскликнул Зорин. – Ты ведь надавала им там как следует, этим его шестеркам, вот он и недоволен.

– Завтра, если будет возможность, постарайтесь показаться на глаза любимому начальнику, – усмехнувшись, посоветовала я. – Интересно, как он будет себя ощущать, если узнает, что и этот его демарш, мягко говоря, не совсем удался.

– Отличная мысль! – глаза старого техника заискрились лукавством и даже некоторым злорадством. – Обязательно покажусь! Уж расстараюсь, чтобы дорогое начальство не осталось без информации. А все-таки гад он, – внезапно, снова помрачнев, произнес Зорин. – Это ведь, если бы я еще с минуту простоял здесь, вместо этой двери я бы мог... обуглиться.

– Но поскольку этого не произошло, то, думаю, нет и повода для расстройства, – стремясь отвлечь клиента от мрачных мыслей, проговорила я. – Фактически счет у нас сейчас два-ноль. Причем в нашу пользу. Поэтому, думаю, нужно скорее радоваться, чем огорчаться. Разве что вот дверь вам придется ремонтировать... Но думаю, что по сравнению с перспективой «обуглиться» потеря эта не такая уж большая.

– Пожалуй, – невесело усмехнулся старый техник. – А ведь это благодаря тебе, – снова будто озаренный догадкой, произнес он. – Это ведь ты посоветовала мне убраться подальше! Сам-то я, наверное, еще полчаса тут стоял, дожидаясь приключений.

– Я просто делаю свою работу, – скромно сказала я. – Уводить клиента как можно дальше от подозрительных предметов – ее часть. В этом нет ничего особенного.

– Для тебя, может быть, и нет, – очень серьезно произнес Зорин. – А для меня... мне ты, можно сказать, сегодня жизнь спасла. Если не физическую, то профессиональную – точно. Ты посмотри, куда оно дошло, это пламя! Почти на всю высоту дверь сожжена. Если бы вместо нее здесь я стоял, наверняка бы без глаз остался. Так что теперь я, можно сказать, твой должник.

– Оплата учтена в гонораре, – улыбнулась я.

Константин Иванович принес мне пакет, и я сложила в него обгоревшие «останки» загадочного технического объекта, извергнувшего из себя реки пламени не хуже, чем заправский огнемет. Конечно, надежды на то, что эти останки окажутся пригодными для экспертизы, было мало, но попытаться все же стоило. Я и сама впервые сталкивалась с подобным приспособлением, и мне было очень интересно, как оно устроено.

Прощаясь с Зориным, я настоятельно порекомендовала ему ни от кого никаких гостинцев не принимать, а еще лучше – просто никому не открывать дверь.

– Время позднее, – говорила я. – Хороший человек посреди ночи не явится, а плохому открывать незачем. Если случится что-то экстренное, лучше сразу звоните мне.

Получив торжественное обещание свято выполнять эти инструкции, я вышла на улицу и направилась к дому Валентины.

«Кто мог подбросить к двери эту дрянь? – раздумывала я по дороге. – И как они все это организовали? Просто бросили свой «фугас» к двери и убежали или как-то следили за процессом? Если второй вариант, то наши друзья, несомненно, узнают о результате гораздо раньше, чем Зорин «покажется на глаза» Свиридову».

Ответ на свои интересные вопросы я получила буквально в течение следующих пяти минут.

Когда невдалеке уже показались унылые серые стены обшарпанного трехэтажного строения, где вместе с Валею и Ниной Петровной проживала теперь и я, до моего слуха донесся истошный вой автосигнализации.

Не сомневаясь ни минуты в том, чья именно машина запела тревожную песнь, я со всех ног помчалась к подъезду, где был припаркован верный «фольк». По дороге в голове моей

тревожно билась одна лишь мысль – о том, что предчувствия не обманули, и наши враги не только уже в курсе постигшей их неудачи с «бомбой», но и успели адекватно отреагировать.

Поймать «террористов» на месте преступления мне не удалось, и, добежав, я увидела только мелькавшие пятки удиравших в противоположную сторону мальчишек.

Одного взгляда на скособоченный, осевший на правое переднее колесо автомобиль было достаточно, чтобы определить, чем они здесь занимались.

«Ах вы, паршивцы!» – мысленно воскликнула я, решив, что хоть одного да изловлю, даже если придется вылезти вон из кожи.

Не теряя времени, я припустила за убежавшими и вскоре действительно нагнала одного из них, слегка поотставшего от своих товарищей.

– Стоять! – повелительно гаркнула я, хватая его за шиворот.

– Ай! Ой! Больно! – во всю глотку заорал мальчишка, хотя я, продолжая держать его за майку, даже не притронулась к телу.

– Ты еще поори мне, – ничуть не смутившись от этой провокации, так же строго продолжила я. – Разинул пасть! Ты мне лучше скажи, кто это вас надоумил чужие машины портить?

– Ай! Больно! – не слушая, продолжал вопить мальчишка, с удовольствием поглядывая на озабоченные лица, начинавшие появляться в окнах окрестных домов. – Ма-ма!

– А-а, маму тебе? Что ж, пойдем к маме! Расскажем ей, чем ее сынок занимается в свободное от учебы время. Расскажем, сколько сейчас шины стоят на такой автомобиль, сколько в автосервисе берут за монтаж. Она, наверное, богатая, мама твоя? Идем. Где ты живешь, говори адрес!

Однако такой поворот событий в планы юного диверсанта явно не входил. Он затих и, немного подумав, переменял тактику на прямо противоположную.

Сморщившись и соорудив скорбную мину, он начал хныкать и канючить, пытаясь давить на жалость.

– Отпустите меня, я больше не буду, – причитал он, тщетно пытаясь выдавить из глаз хоть слезинку. – Ну, тетя, ну пожалуйста!

– Скажешь, кто подослал вас, отпущу, – со всей возможной твердостью и непреклонностью отвечала я, давая понять, что торг здесь неуместен. – А не скажешь – отведу тебя к родителям и все им расскажу.

– Да никто нас не подсылал! Ну, тетя, ну отпустите. Пожа-а-алуйста!

– Так. Значит, ты все-таки хочешь, чтобы мамка с папкой возместили мне ущерб. Что ж, прекрасно! Тогда идем. Который дом? Этот?

Подхватив мальчишку под локоть, я сделала движение, как будто собиралась идти к ближайшему подъезду, и прием сработал.

Поняв, что с ним не шутят, парень перестал кривляться и, упираясь всеми четырьмя, чтобы остаться на месте, заговорил уже совсем другим тоном.

– Да не знаю я ничего, – недовольно бубнил он себе под нос, отводя глаза. – Мужик какой-то. Сказал – вон на той тачке колеса проколете – с меня «пятихатка». Шило дал. Оно у Кольки осталось.

– А денег-то дал?

– Дал, – как-то невесело вздохнул мальчишка, из чего я заключила, что «пятихатка» тоже осталась «у Кольки».

– А что за мужик? Знакомый?

– Да нет. Я его не знаю. Может, из пацанов кто знает. Рыжий такой, высокий. Вы только родителям не говорите! А то отец мне устроит.

– И правильно сделает. Нашли игрушки! Ладно, иди, поздно уже. Так уж и быть, не скажу родителям твоим.

Я выпустила руку, и мальчишка, довольный, что легко отделался, в тот же миг скрылся из глаз, будто и не было его здесь никогда.

Угроза привлечь родителей малолетнего нарушителя к возмещению нанесенного мне ущерба подействовала, и я была этому очень рада. Но если смотреть на вещи реально, в это позднее время вряд ли стоило рассчитывать на помощь специалистов из автосервиса. Так что, даже если они и готовы были бы оплатить ремонт, сейчас его просто некому было делать. Наверняка все ближайшие ремонтные точки были уже закрыты.

Рассчитывать приходилось только на себя.

Вернувшись к машине, я достала насос и, подключив его к аккумулятору, как смогла, подкачала проколотое колесо. Теперь, до того момента, когда оно спустится снова, у меня было некоторое время для маневра.

Еще по дороге в летный городок, когда везла сюда Зорина и Валентину, я заметила расположенную неподалеку автостоянку. Во избежание каких-либо новых посягательств на мой автомобиль, я планировала перегнать его туда, оставив на ночь под присмотром бдительных сторожей. Сигнализация, конечно, вещь хорошая, но, чтобы проколоть колесо, много времени не нужно, и в подобных случаях сигнализация, как выяснилось, не спасает.

Получив первый опыт взаимодействия со своим невидимым врагом, я поняла, что противник обладает и умом, и сообразительностью. В случае с моей машиной, так же, как и в случае с загадочным устройством, которое подсунули Зорину, все было устроено так, что виноватых не оказывалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.